

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-436-453
УДК 811.161.1'37:821.161.1

Научная статья / Research article

БОЛЬ: слово, образ и концепт в речемыслительном пространстве Ф.М. Достоевского

А.В. Варзин^{1, 2}

¹ Московский педагогический государственный университет
119991, Российская Федерация, Москва, ул. Малая Пироговская, дом 1, строение 1

² Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
117997, Российская Федерация, Москва, ул. Садовническая, 33
alex.varzin@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию языкового выражения феномена боли в текстах Ф.М. Достоевского. Материал анализа — тексты художественных произведений, публицистика и письма великого русского писателя. Изучению текстов Достоевского предшествует анализ статей толковых и специализированных словарей и энциклопедий, в том числе — статьи «Словаря языка Достоевского». Актуальность исследования определяется приближающимся двухсотлетием Ф.М. Достоевского, в произведениях которого феномен боли стал одним из важных предметов изображения. Специфика данной работы заключается в опоре на лингвистические методы изучения феномена боли при сохранении междисциплинарной направленности исследования в целом. Изучению подвергаются разнообразные ассоциативные связи слова «боль» и его производных в контекстах произведений писателя разных жанров. На начальном этапе отбор материала осуществляется методом сплошной выборки с помощью программной системы «DiaWin» отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН. Полученный таким образом материал подвергается многоуровневому анализу, в ходе которого выявляется специфика концептуализации боли в языке и культуре и раскрываются особенности изображения и интерпретации феномена боли в дискурсе Достоевского и его героев. Формулируются выводы об устойчивых ассоциативных связях лексемы «боль», выявляется специфика языкового изображения различных состояний боли в текстах писателя, анализируются оригинальные интерпретации концепта боли в дискурсах героев-идеологов. В результате анализируемый феномен предстает в многомерном освещении. Устанавливается общая структура фрейма боли. Выявляется тесная взаимосвязь внешних симптомов и внутренних ощущений физической и душевной боли. Постулируется, что экспликация концепта боли носителем языка сопряжена со значительными трудностями, поскольку боль интроспективна и субъективно переживаема. Это особое состояние, которое переживается и проживается. Выделяются контекстуальные комбинации значений слова «боль» в текстах Достоевского. Раскрывается специфика образного представления ситуаций боли в произведениях писателя. Анализируются характерные для контекстов Ф.М. Достоевского приращения смысла. В результате боль осмысливается как сложный феномен языка и культуры и важный концепт в дискурсе Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: язык Достоевского, описание боли; ощущение, слово, вербализация, концепт

© Варзин А.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

Для цитирования:

Varzin A.V. БОЛЬ: слово, образ и концепт в речемыслительном пространстве Ф.М. Достоевского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 436—453. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-436-453

UDK 811.161.1'37:821.161.1

PAIN: the Word, the Image and the Concept in the Dostoevsky's Thought and Speech Space

Alexey V. Varzin^{1, 2}

¹ Moscow Pedagogical State University (MPGU)

1/1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, Russian Federation, 119991

² The Kosygin State University of Russia

33, Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 117997

alex.varzin@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the linguistic expression of the phenomenon of pain in the texts of F.M. Dostoevsky. The material of the analysis is the texts of works of fiction, journalism and letters of the Great Russian writer. The study of Dostoevsky's texts is preceded by an analysis of entries in explanatory and specialized dictionaries and encyclopedias, including articles in the "Dictionary of Dostoevsky's Language". The relevance of the study is determined by the approaching bicentennial of F.M. Dostoevsky, in whose works the phenomenon of pain has become one of the important subjects of the image. The specificity of this work lies in the reliance on linguistic methods of studying the phenomenon of pain while maintaining the interdisciplinary focus of the research as a whole. Various associative connections of the word "pain" and its derivatives in the contexts of the writer's works of different genres are being studied. At the initial stage, the selection of material is carried out by the method of continuous sampling using the DiaWin software system of the Department of Experimental Lexicography of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. The material thus obtained, is subjected to a multilevel analysis, in course of which the specificity of the conceptualization of pain in language and culture is revealed and the features of the depiction and interpretation of the phenomenon of pain in the discourse of Dostoevsky and his characters are revealed. Conclusions are formulated about the stable associative connections of the lexeme "pain", the specificity of the linguistic depiction of various states of pain in the writer's texts is revealed, the original interpretations of the concept of pain in the discourses of heroes-ideologists are analyzed. As a result, the analyzed phenomenon appears in multidimensional illumination. The general structure of the frame is established. The relationship between external symptoms and internal sensations of physical and mental pain is revealed. It is postulated that the explication of the concept of pain by a native speaker is fraught with significant difficulties, since pain is introspective and subjectively experienced. This special state is experienced and lived on. The contextual combinations of meanings of the word "pain" in Dostoevsky's texts are highlighted. The specificity of the figurative representation of pain situations in the writer's works is revealed. The increments of meaning characteristic of Dostoevsky's contexts are analyzed. As a result, pain is interpreted as a complex phenomenon of language and culture and an important concept in the discourse of F.M. Dostoevsky.

Keywords: Dostoevsky's language, description of pain, sensation, word, verbalization, concept

Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.02.2021

For citation:

Varzin, A.V. (2021). PAIN: the Word, the Image and the Concept in the Dostoevsky's Thought and Speech Space. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(2), 436—453. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-436-453

Введение

Боль — печальный спутник человека на протяжении его жизни: с болью мы рождаемся, с болью живем, с болью умираем. Именно поэтому боль как важнейшее экзистенциальное понятие естественным образом оказывается в центре внимания философов [1]. Проблемами, связанными с изучением боли и купированием ее проявлений, серьезно занимаются медики [2]. При этом особым предметом их внимания стало описание боли средствами языка. Это действительно важная с точки зрения как теории, так и практики медицины задача: с одной стороны, необходимо точно описать изучаемый тип боли в медицинской литературе, с другой стороны — нужно верно соотнести определения, которые дают испытываемой боли пациенты, с характеристиками боли в научной и справочной литературе. И от первого, и от второго зависит точность постановки диагноза и выбор правильного лечения болезни. Поэтому создаются специальные классификации лексики, выражающей болевые ощущения, и особые вопросники для диалога с пациентом.

Изучение боли по ее вербальному описанию сделало актуальным и обращение к собственно лингвистическому и лингвокультурологическому инструментарию исследования концепта боли в языке и культуре. Настоящая статья мыслится как часть исследования, представляющего собой попытку изучения языкового выражения боли, и встраивается, таким образом, в активизировавшиеся в последние годы опыты лингвистических и лингвокультурологических исследований «языка боли» [3—5].

Непосредственно на данном этапе исследования в центре нашего внимания оказываются прежде всего обозначения боли в пространстве художественных текстов, в частности текстов Ф.М. Достоевского — писателя, приближающийся юбилей которого побуждает по-новому взглянуть не только на роль этого автора в становлении русского национального самосознания, но и на освещение им вечных проблем и мучений «человека вообще», взятого безотносительно к факторам национальности, времени и территории проживания (а феномен боли, конечно же, следует отнести к таковым). Отдельной мотивацией к такого рода работе для нас выступает дань памяти Ю.Н. Караулова — глубочайшего исследователя языка Достоевского, руководителя научного коллектива составителей словаря языка этого писателя, и памяти Е.Л. Гинзбурга — яркого ученого, верного соратника Юрия Николаевича в деле изучения речемыслительного пространства Достоевского.

Методологической базой исследования является подход, основы которого заложены в работе Ю.Н. Караулова, Е.Л. Гинзбурга «Номо гіденс» [6]. Мы изучаем контексты употребления слова *боль* и его производных, стремясь представить боль как своеобразное «действующее лицо» в произведениях писателя. При этом принципиальным моментом остается сохранение лингвистической основы исследования, изучение разнообразных связей слова в контексте. Раскрытие специфики изображения и художественного осмысления Достоевским феномена *боли* происходит с опорой на методы, связанные с изучением обозначений ситуаций боли в тексте и выявлением ассоциативных связей. Эту работу мы осуществляем на базе результатов сплошной компьютерной выборки, произведенной с помощью программной системы «DiaWin» отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН. Наряду с художественными текстами анализу подвергаются публицистика и письма писателя. Однако представляется целесообразным предпослать анализу текстов Ф.М. Достоевского небольшой анализ сферы словарной фиксации.

Слово *боль* в сфере словарной фиксации

Если обращаться к дефинициям боли в сфере словарной фиксации, то в первую очередь, как представляется, есть смысл изучить определения в медицинских словарях и энциклопедиях. Для примера сошлемся на одно из таких определений.

«Большая медицинская энциклопедия» определяет боль как *«своеобразное психофизиологическое состояние человека, возникающее в результате воздействия сверхсильных или разрушительных раздражителей, вызывающих органические или функциональные нарушения в организме»* [7].

Определение содержит указание на важные дифференциальные признаки феномена боли: сочетание механизмов психологии и физиологии, возникновение в результате действия раздражителей, проявление в виде органических или функциональных нарушений.

Энциклопедия указывает также на факт того, что традиционно боль определялась как *ощущение*, однако в настоящее время в медицине и физиологии боль рассматривается как *«интегративная функция организма, которая мобилизует самые разнообразные функциональные системы для защиты организма от воздействия вредящего фактора и включает такие компоненты, как сознание, ощущение, память, мотивации, вегетативные, соматические и поведенческие реакции, элюции»* [7].

Определение энциклопедии позволяет нам наметить в самом общем виде структуру фрейма боли, в целом сходную с типичным фреймом ощущений: 1) слот-причина (источник), 2) слот-событие, т.е. указание на сам процесс боли, основные его особенности и характеристики, и 3) слот-следствие, то есть указание на последствия боли.

Обращаясь к дефинициям толковых словарей, отметим в первую очередь статью «Боль» в словаре В.И. Даля [8]. Здесь выделяется несколько значений интересующего нас слова. Иллюстрациями выступают фрагменты разговорной речи, устойчивые выражения, пословицы и поговорки.

В первую очередь лексикограф указывает на утраченное современным русским языком значение «боль = болезнь», приводя ряд синонимичных наименований боли-болезни из литературного языка и наименования болезни (боли) в диалектах. Иллюстрации при этом напоминают житейские советы и предостережения: «Боль, ж. — болезнь, болесть, хворь, хвороба, хворость, недужина, недуг, немочь, немощь, немогута, скорбь (телесная), хиль, хилина, боля, нездоровье. *Его боль держит, он лежит в боли. Какая боль у него? Боль ходит, повальные болезни. Дай боли волю, полежав, да умрешь. Боли не поддавайся. Боль приживчива, приурочлива. Боль врача ищет*».

Следующим В.И. Даль приводит характерное и для современного языка значение боли-ощущения (чувства); иллюстрируется это значение примером, содержащим указание на проявления и возможную локализацию боли: «Самое чувство, телесное страдание. *Боль скажется, услышишь, где она, в боку, в голове и пр.*». Не ограничиваясь только констатацией значения, лексикограф дает ряд атрибутивов, указывающих на разновидности боли: «Боль по роду или по чувству бывает: *острая, колючая (колотье), резучая (резь), гнетучая (ломота), грызучая (грызь), жгучая, палящая, тупая, глухая, ноющая, нылая и пр.*».

От боли физической отличается боль душевная. В определении словаря В.И. Даля этот аспект семантики слова «боль» представлен как «чувство горя, истомы, страданий душевных; скорбь, грусть, тоска, кручина, жаль, сокрушение, журьба».

Наконец, отдельно упоминается в словаре характерное для ряда говоров значение «боль — больной человек»: «Новг., вор., орл. об. больной человек, хворый, недужный, особенно роженица. *Зовите попа к болу в баню, хочет приобщиться. Не тот болен, кто лежит, а тот, кто у боли (над болью) сидит. Что исхудал? сам лежал, аль над болью сидел?*».

Примечательно, что в позднейших опытах отечественных толковых словарей XX—XXI вв. при фиксации семантики слова *боль* физическая боль и боль психическая (душевная, нравственная) зачастую оказываются совмещенными в рамках одного значения. Так, Малый академический словарь следующим образом определяет значение интересующего нас слова: «Ощущение физического или нравственного страдания. *Головная боль. Зубная боль*» [9]. В словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой значения разграничиваются следующим образом: «1. ед. Ощущение страдания. *Физическая боль. Душевная боль*. 2. мн. Приступ физического страдания. *Начались боли. Боли в области печени*» [10]. Как видим, лексикографы в первую очередь отмечают соотнесенность боли со *страданием* и в определениях семантики слова *боль* заостряют внимание на компоненте *ощущения* этого страдания. Нюансы,

связанные с источником и характеристиками боли, в этой связи предстают как вторичные.

В сфере авторской лексикографии ситуация, на первый взгляд, несколько иная. Обратим внимание на статью «Боль» в «Словаре языка Достоевского». Здесь выделяются три значения: «1. Ощущение физического страдания, муки. 2. Сильное душевное страдание, мука. 3. То же что болезнь» [11]. Однако автор статьи, М. М. Коробова, в примечаниях особо оговаривает тесную связь боли физической и боли душевной в текстах писателя, принципиальную сложность разграничения этих состояний.

Отталкиваясь от содержания этой статьи и используя результаты собственных наблюдений над текстами Достоевского, представим некоторые замечания по поводу специфики концептуализации боли в пространстве художественных текстов (на примере текстов Ф. М. Достоевского).

Словообраз и концепт боли в текстах Достоевского

Боль — слово, которое точно передает ощущения того, кто впервые погружается в чтение книг Ф.М. Достоевского. Чувство боли при этом оказывается настолько сильным, что способно даже оттолкнуть от произведений писателя, вызвать если не идейное, то чисто психологическое отторжение. Общеизвестно определение «жестокий талант», данное писателю критиком Н.К. Михайловским [12].

Недавно ушедший от нас писатель-фронтвик Юрий Бондарев, многое испытавший на своем веку и занимавший принципиально иную позицию в оценке творчества Достоевского, тем не менее тоже указал именно на чувство боли как основную эмоциональную реакцию на произведения великого писателя: «Книги Достоевского не врачуют, не тешат и не успокаивают, — утверждал он, — наоборот, они производят резкий удар электрического тока, они оставляют ощущение кровотокающей раны, и какими бы белоснежными бинтами христианства писатель ни пытался затянуть их, завершая судьбы героев, эти раны не заживают, к ним невозможно прикоснуться без ощущений боли» [13. С. 93].

При чтении произведений писателя читатель испытывает буквальную боль, не дающую благостного, успокаивающего исхода. Достоевский мучает своего читателя, не позволяя уснуть его совести, терзая его картинами страданий и боли, провоцируя на глубокую рефлекссию и лишая твердых опор в восприятии мира. Это и в самом деле очень тяжелый опыт, весьма далекий от опыта легкого чтения, — возможно, поэтому современный «непрофессиональный» читатель (не критик, не исследователь) не так часто обращается к произведениям этого автора (факт, на котором особо заострял внимание Ю.Н. Караулов).

В текстах Ф.М. Достоевского, согласно «Словарю языка Достоевского» [11. С. 255—261], слово *боль* встречается 287 раз (количество словоупотреблений в художественной прозе — 231, в публицистике — 21, в личных

письмах — 33, в официальных письмах и деловых документах — 2). В настоящей статье мы остановимся в первую очередь на контекстах употребления ключевого слова словообразовательного гнезда, но попутно укажем также на активность использования двух максимально семантически близких производных (оставив в стороне упоминания о *болезни* и *болезненности* как смежных с болью состояниях). Так, слово *болно* в значениях предиката и наречия (без учета употреблений в качестве наречия степени с семантикой предельности — в значении «очень, весьма») употреблено в текстах писателя 204 раза (163 — в художественной прозе, 18 — в публицистике, 23 — в личных письмах). Отметим также частотность формы *болит*: согласно данным «Статистического словаря языка Достоевского» А.Я. Шайкевича, В.М. Андрияшечко, Н.А. Ребецкой, она встречается в текстах писателя 103 раза (из них 77 употреблений зафиксировано в художественных текстах, 2 — в критике и публицистике, 24 — в письмах) [14. С. 25].

По замечанию М.М. Коробовой, для Достоевского «характерны описания внешних проявлений переживания внутренней боли (душевной и физической, порой без их различения, без противопоставления, либо душевная боль приравнивается по силе ощущений к боли физической)» [11. С. 260].

Конечно, для субъекта (экспериенцера) боли разница между физической болью и болью психической (душевной) весьма значима. Это важный «прагматический» аспект боли. Однако боль как состояние в принципе специфична тем, что она в любом случае принадлежит внутреннему миру человека: мы не можем напрямую увидеть боль, возможно лишь ощущение боли, причем только своей боли. Чужая боль может быть явлена исключительно через внешнюю симптоматику, не дающую абсолютной гарантии верной интерпретации происходящего.

Так, к наиболее частым внешним проявлениям боли, встречающимся в текстах писателя, относится искажение черт лица (гримаса боли): *боль судорожно выдавилась на лице ее* (1, 311) [15]¹, *болью искаженное [лицо]* (8, 459), *искривленное [лицо]* (6, 305), [о чертах лица] *от боли исказиться* (13, 417), боль выражать (8, 101). Именно подобная симптоматика активно воспроизводится писателем при передаче сложных душевных состояний героев. Ср.:

Чувство боли прошло по лицу ее; она опять подняла свою голову и посмотрела на него с такою насмешкой, так презрительно-нагло, что он едва устоял на ногах (1, 310).

В лице раздраженной Зины показалось болезненное ощущение, как будто от острой, пронзительной внутренней боли; но она перемогла свое чувство (2, 348).

Плач бедной, чахоточной, сиротливой Катерины Ивановны произвел, казалось, сильный эффект на публику. Тут было столько жалкого, столько

¹ Здесь и далее ссылки на произведения Ф.М. Достоевского приводятся по этому изданию [15] с указанием в круглых скобках тома и страницы.

страдающего в этом искривленном болю, высохшем чахоточном лице, в этих иссохших, запекшихся кровью губах, в этом хрипло кричащем голосе, в этом плаче навзрыд, подобном детскому плачу, в этой доверчивой, детской и вместе с тем отчаянной мольбе защитить, что, казалось, все пожалели несчастную (6, 305).

Князь, я сделал подло, простите меня, голубчик, — сказал он [Ганя] вдруг с сильным чувством. Черты его лица выражали сильную боль (8, 101).

Все черты лица ее [Катерины Ивановны] как бы вдруг исказились от боли; но прежде, чем она успела сказать слово, он [Версиков] вдруг опомнился (13, 417).

Ср.: как будто с болью выдавилась улыбка (1, 310).

Отметим также еще несколько характерных для ситуаций боли (или сравниваемых с ними состояний) внешних проявлений. В текстах Достоевского это бледность (*Изумление, боль, укор и ужас изображались на смертельно побледневшем лице ее (2, 253); как будто от боли побледнеть (3, 199)*), инстинктивные прикосновения к больному месту (*придерживать [рукой] грудь (6, 144)*), затрудненность речи (*едва выговаривая от боли слова (9, 95)*), попытка удержать стоны и крики, более или менее успешная (*...посторонний человек стиснул в своем кулаке руку Ивана Андреевича так, что тот едва не вскрикнул от боли (2, 66)*), скованность (заторможенность) моторных реакций или, напротив, попытка подавить боль активным движением (ВМ 9, 96). Ср. также: *с болью биться [о жилах на висках] (1, 81)*

Боль выступает одной из важных характеристик портретов героев Достоевского, обретая порою свойства постоянного признака внешности героя и ассоциируясь, например, с состоянием *грусти*:

Теперь, к сороковым годам, ясность и доброта почти погасли в этих глазах, уже окружившихся легкими морщинками; в них появились, напротив, цинизм не совсем нравственного и уставшего человека, хитрость, всего чаще насмешка и еще новый оттенок, которого не было прежде: оттенок грусти и боли, — какой-то рассеянной грусти, как бы беспредметной, но сильной. Особенно проявлялась эта грусть, когда он оставался один (9, 6).

Александра Михайловна была женщина лет двадцати двух, тихая, нежная, любящая; словно какая-то затаенная грусть, какая-то скрытая сердечная боль сурово оттеняли прекрасные черты ее (2, 224).

Боль душевная обычно в большей степени привлекает художников и поэтов, но для Достоевского важно подчеркнуть взаимосвязь душевных переживаний и физической боли. Душевные муки ощущаются его героями как муки буквальные, физические. И наоборот: писателя и его героев волнует то, как переживается и проживается буквальная, физическая боль, как она отражается на душевном здоровье, на самочувствии и мировосприятии личности.

В этом отношении показательными оказываются «отрефлектированные» и особо значимые для автора и его героев смыслы и ассоциации, связанные с феноменом боли и непосредственно со словом «*боль*».

Боль связывается, например, с *чувством любви*. В романе «Подросток» Версиров говорит Аркадию: «Я в Германии только понял, что люблю ее [Софью]. Началось с ее впалых щек, которых я никогда не мог припоминать, а иногда так даже и видеть без боли в сердце — буквальной боли, настоящей, физической. Есть больные воспоминания, мой милый, причиняющие действительную боль; они есть почти у каждого, но только люди их забывают; но случается, что вдруг потом припоминают, даже только какую-нибудь черту, и уж потом отвязаться не могут» (13, 381). Укажем на важную деталь в восприятии боли героем: он прямо подчеркивает, что душевная боль может быть необычайно сильной, становясь болью «буквальной», «настоящей», «физической». С речевой точки зрения примечательно также то, как в текстовом фрагменте обыгрывается значение выражения «не мог... без боли в сердце»: контекст первоначально создает условия для срабатывания своеобразного речевого автоматизма, и читатель воспринимает слово *боль* как употребленное в рамках устойчивого выражения, но устойчивый, как представляется поначалу, речевой оборот вдруг обретает буквальное значение.

Возможны также особые контекстуальные комбинации значений, на что и указывает М.М. Коробова [11]. Ср.: *Припадок, бывший с ним [князем Мышкиным] накануне, был из легких; кроме ипохондрии, некоторой тягости в голове и боли в членах, он не ощущал никакого другого расстройства. Голова его работала довольно отчетливо, хотя душа и была больна* (8, 460).

Нередко неопределенность описания конкретного состояния непосредственно связана с тем, что передается это состояние не от лица того, кто его испытывает, а с позиции внешнего наблюдателя, который судит о том, что происходит с другим человеком, исключительно по внешним проявлениям (симптоматике).

Для рассказчика Достоевского особенно характерно в таких случаях употребление модальных операторов *как бы*, *как будто*, ограничивающих достоверность сообщаемой информации или же переводящих содержание высказывания в плоскость сравнения. Например: *Nicolas смотрел очень нелюбезно, совсем не по-родственному, был бледен, сидел потупившись и слушал сдвинув брови, как будто преодолевая сильную боль* (10, 42). Внешние признаки («бледен», «потупившись», «сдвинув брови») позволяют предположить наличие даже буквально понятого болезненного состояния, но не дают полной картины происходящего. Внутренний мир личности скрыт от взора наблюдателя, и судить о нем оказывается возможным лишь со слов самой личности или, как в этом примере, по доступным внешнему наблюдению, но не обеспечивающим верификацию признакам.

Описание боли начинающей «мучиться родами» Marie Шатовой (роман «Бесы») также дано «со стороны» (на это особо указывает использование модального оператора *как бы*). При этом рассказчик подчеркивает пугающее воздействие внешних признаков боли на равнодушного к происходящему с близким человеком наблюдателя:

Она встала, хотела шагнуть, но вдруг как бы сильнейшая судорожная боль разом отняла у нее все силы и всю решимость, и она с громким стоном опять упала на постель. Шатов подбежал, но Marie, спрятав лицо в подушки, захватила его руку и изо всей силы стала сжимать и ломать ее в своей руке. Так продолжалось с минуту (10, 441).

Приступ повторяется несколько позже:

Она хотела было сделать отрицательный знак головой, и вдруг с ней сделалась прежняя судорога. Опять она спрятала лицо в подушку и опять из всей силы целую минуту сжимала до боли руку подбежавшего и обезумевшего от ужаса Шатова (10, 442).

Далее приводится краткое описание нарастания боли:

И она опять упала на постель в припадке той же судорожной боли; это уже в третий раз, но на этот раз стоны стали громче, обратились в крики (10, 443).

Описания содержат характерные внешние признаки сильной боли: скованность двигательных реакций субъекта; попытки закрыть (спрятать) лицо, воздержаться от громкой голосовой реакции, практически буквально «удержать себя в руках»; наконец, непосредственное проявление голосовой реакции при усилении боли (стоны, крики).

Особо выделим такие знаковые для художественного мира Достоевского ассоциаты к слову *боль*, как лексемы, указывающие на смежные состояния *страха, ужаса испуга, боязни*. В вышеприведенном примере *ужас* у наблюдателя (Шатова) вызывает не собственная боль, а боль близкого человека. Чаще встречается вариант ассоциирования страха с угрозой испытать боль непосредственно, самому. Однако *страх (испуг, ужас)* может не только ассоциативно связываться с *болью*, но и выступать в роли состояния, которое оказывается сильнее боли. Ср.: [Неточка] *Я ушибла о кровать руку довольно больно, но испуг был сильнее боли, и я даже не поморщилась (2, 159).*

Сочетания с глаголами фиксируют прежде всего реакции на боль и сам факт ее претерпевания: *боль выдерживать (2, 169; 2, 271), вытерпеть (6, 171), ощутить (8, 231; 10, 476), ощущать (3, 423; 10, 130), переносить (4, 153), победить (10, 166), победить (10, 166), подавить (3, 230), почувствовать (10, 476; 14, 304, 335; 15, 155; 25, 107, 109, 110), преодолевать (10, 42), причинять (13, 381), разбередить (28.1, 241), чувствовать (2, 161; 5, 42; 8, 322; 14, 168; 28.1, 159). Ср. также: боли бояться (9, 96; 22, 21), не почувствовать (4, 157, 109), не чувствовать (14, 167; 25, 103); много боли перенести (29.2, 69); от боли корчиться (14, 355), мучиться [о сердце] (3, 403), мучаться (9, 93), надрываться [о сердце] (1, 44). В художественных текстах при описании волнения героя, порывистости в поведении, неуравновешенного эмоционального состояния, сильных чувств Достоевский активно использует сочетание *сжать до боли руку (руки)* [11. С. 256].*

Атрибутивы при существительном *боль* в художественных текстах в основном отличаются семантикой предельности: *возраставшая (9, 89; 9, 94),*

сильная (6, 171), *сильнейшая* (14, 294), *излишняя* (5,197), *почти невыносимая* (10, 476), *нестерпимая* (10, 166; 28.2 149), *ужасная* (2, 161; 10, 476), *мучительнейшая* (4, 161). Ср. также: *сильные боли* (11, 8). Реже встречаются определения, указывающие на меньшую степень интенсивности боли. Так, в «Вечном муже», где описания боли составляют предмет особого внимания автора, встречаем контекст, в котором присутствует сочетание *унывающаяся боль* (9, 96), указывающее на уменьшившиеся болевые ощущения. Ср. также в «Дневнике писателя» и письмах: *малейшая* (22, 21), *затихшая* (28.2, 173).

Определения могут подчеркивать временной аспект боли: *десятичасовая* (9,96), *поминутная* (28.2, 68). Ср. также указание на фактор неожиданности: *боль внезапная* (9,93).

Наконец, определения непосредственно указывают на тип боли, ее локализацию и симптоматику.

В первую очередь это боль *головная* (2,247; 3, 268; 5,41; 5, 42; 8, 437; 10, 378; 14,276; 14, 341; 15, 43; также в письмах — 29.2, 35; 29.2, 62): *С самого первого взгляда на него Иван Федорович несомненно убедился в полном и чрезвычайном болезненном его [Смердякова] состоянии: он был очень слаб, говорил медленно и как бы с трудом ворочая языком; очень похудел и пожелтел. Во все минут двадцать свидания жаловался на головную боль и на лом во всех членах* (15, 43); *Он [П. Верховенский] уверял, что заболел головною болью и рвотой на квартире у Гаганова, к которому забежал случайно ранним утром* (10, 378).

Боль *зубная* (5, 36; 5, 106; в публицистике — 19, 71 в письмах — 28.2, 173; 28.2, 174; 28.2, 318; 29.2, 69) в текстах Достоевского может становиться, по замечанию М.М. Коробовой, «своеобразным признаком несчастливой человека» [11. С. 256]: *Дома у него [чиновника] была старая тетка, родившаяся с зубной болью и подвязанной щекой, и ворчунья жена, с шестерыми детьми* (19, 71).

Отметим также такие сочетания, как *судорожная боль* (2, 251, 10, 441, 443); *боли конвульсивные* (5, 130). Судороги, конвульсии относятся к симптомам эпилептического припадка. Достоевский, сам страдавший эпилепсией, досконально знал симптоматику этого заболевания и нередко делал эпилептиками своих героев.

Правая валентность слова *боль* также указывает на локализацию боли: *боль в глазах* (4, 144), *в голове* (29.1, 345), *в груди* (9, 89, 94, 96; 14, 294; 28.1, 380), *в ногах* (11, 8), *в ноге* (30.1, 34), *в мизинце* (10, 476), *в пояснице* (14, 335), *в руке* (2, 161), *в сердце* (13,381), *в спине и груди* (3, 423), *в членах* (8, 460; 15, 43); *боли печени* (29.1, 335), *сердца* (5, 28). Может указываться источник причинения боли: *боль от кнута* (6, 90), *боли* (именительный падеж множественного числа) *от палок и розг* (4, 161).

В сочетаниях лексемы *боль* с существительными обращает на себя внимание активность слова *сердце*: *боль собственного сердца* (4, 43), *сердца* (14, 65; 14, 486; 30.1, 148); *боль в сердце* (1, 270; 2, 116; 2,163; 2, 224; 14, 257;

23, 150; 28.1, 164, 241; 29.2, 97), *на сердце* (20, 14). *Сердце* выступает и объектом физической боли, иместилищем боли душевной. Ср.: *что-то наполнило сердце до боли* (14, 327), *чувствовать боль в сердце, в сердце была боль* (13, 338). Уместно также здесь еще раз вспомнить о контексте из романа «Подросток», в котором *боль в сердце* (душевная боль) характеризуется как *буквальная, действительная боль* (13, 381). Ср. также: *до боли биться [о сердце]* (11, 19); *боль в душе* (1, 304), *боль воспоминаний* (6, 244), *боль [за кого-либо]* (13, 338).

Если обратить отдельное внимание на определения к слову *боль* в значении «сильное душевное страдание, мука», то они также характеризуют феномен боли с разных сторон: 1) в аспекте оценки — морально-этической и общенормативной: *нелицемерная* (13, 338), *странная* (25, 107); 2) в аспекте измерения: *одинаковая* (8, 381), *беспредельная* (3, 43); 3) во временном аспекте: *временная* (29.1, 138); 4) в аспекте пространственной локализации: *внутренняя* (4, 146), *глубочайшая* (5, 147); 5) в аспекте восприятия (метафорическом): *глухая* (2, 224), *глухая, невыносимая* (1, 311), *глухая, нестерпимая* (1, 270); *жгучая* (14, 355), *острая* (2, 293), *пронзительная* (2, 41, 3, 196); *глухая, но мучительно-сладостная* (1, 270), *томительно-сладкая* (2, 126), *ядовитая* (5, 147); *сильная* (8, 101), *тяжкая* (2, 41), *мучительная* (2, 230, 13, 297, 28.2, 235), *чудовищная* (6, 242).

Глубокое наполнение получает авторское определение *духовная боль* в эмоциональном монологе князя Мышкина о причинах русского атеизма: «*Не из одного ведь тщеславия, не все ведь от одних скверных тщеславных чувств происходят русские атеисты и русские иезуиты, а и из боли духовной, из жажды духовной, из тоски по высшему делу, по крепкому берегу, по родине, в которую веровать перестали, потому что никогда ее и не знали!*» (8, 452).

В «Дневнике писателя» встречаем также окказиональное употребление определения с «социально-политической» семантикой: *гражданские боли*: *Впрочем, есть кое-где и настоящая гражданская тревога, есть боль, есть болезненные сомнения за будущее, — не хочу душой кривить. Но, однако же, хоть и истинные гражданские боли, а почти везде все на тему: зачем-де у нас все это не так, как в Европе?* (27, 6).

Феномен боли заполняет пространство текстов Достоевского, и герои оказываются способными испытывать сложные состояния, когда боль сливается с радостью и удовольствием (либо предельная радость вызывает боль): *боль глухая, но мучительно-сладостная* (1, 289), *томительно-сладкая* (2, 116), *радостная* (3, 421).

В контекстах описания подобных состояний может встречаться характеризующее сочетание «душу ломит». Ср.:

[Неточка] — *Катя! больно мне как!* — сказала я, вся в исступлении от радости. — *Душу ломит!* (2, 219).

— *Худенькая, правда, бледненькая, но посмотри на нее [Наташу], какая хорошенькая!*

— *Еще лучше, чем прежде была, да, лучше, — прибавил он [Ихменев], невольно умолкая под душевной болью, радостною болью, от которой как будто душу ломит надвое (3, 42).*

Ср. также: *Я [Фельетонист] до того замечтался, что проглядел всю мою молодость, и когда судьба вдруг толкнула меня в чиновники, я... я... служил примерно, но только что кончу, бывало, служебные часы, бегу к себе на чердак, надеваю свой дырявый халат, разворачиваю Шиллера и мечтаю, и упиваюсь, и страдаю такими болями, которые слаще всех наслаждений в мире, и люблю, и люблю.... (19, 70).*

Чувство боли от живейшего отклика на страдания другого человека возникает у героев, обладающих особым даром сопереживания и глубокого проникновения в душу другого, — даром, который М.М. Бахтин связывал с «проникновенным словом», уверенно проникающим во внутренний диалог другого человека [16]. Но для самих носителей проникновенного слова — таких светлых личностей, как князь Мышкин и Алеша Карамазов, — это чувство боли сопряжено с особым страхом — боязнью внутренне допустить осуждение ближнего или причинить ему боль через свидетельство его чрезмерного самоосуждения:

Еще никогда не делала Катя таких признаний Алеше, и он почувствовал, что она теперь именно в той степени невыносимого страдания, когда самое гордое сердце с болью крушит свою гордость и падает побежденное горем. О, Алеша знал и еще одну ужасную причину ее теперешней муки, как ни скрывала она от него во все эти дни после осуждения Мити; но ему почему-то было бы слишком больно, если б она до того решилась пасть ниц, что говорила бы с ним сама, теперь, сейчас, и об этой причине. Она страдала за свое «предательство» на суде, и Алеша предчувствовал, что совесть тянет ее повиниться, именно перед ним, перед Алешей, со слезами, со взвизгами, с истерикой, с битьем об пол. Но он боялся этой минуты и желал пощадить страдающую (15, 181).

Боль предстает не только как собственно ощущение, но и как «представление в нас» об этом ощущении, причем представление, продиктованное и нашим личным опытом переживания боли, и культурными, социальными, религиозными, психологическими установками, принятыми в том обществе, которое нас окружает, и так или иначе разделяемыми или отвергаемыми нами. На номинацию экзистенциального понятия боли или конкретной ситуации, представляющейся нам болью, влияет множество факторов, включая языковые конвенции того языка, на котором мы говорим. И герои писателя задумываются над природой и характером боли, стремясь сознательно анализировать это состояние, его истоки и проявления.

Так, в «Записках из мертвого дома» рассказчика интересует природа физической боли, которую испытывают арестанты при различных наказаниях, и пределы возможностей человека перенести эту боль. И его не могут удовлетворить конвенционально заданные общезыковыми метафорами боли

ответы арестантов: *Мне иногда хотелось определенно узнать, как велика эта боль, с чем ее, наконец, можно сравнить? Право, не знаю, для чего я добивался этого. Одно только помню, что не из праздного любопытства. Повторяю, я был взволнован и потрясен. Но у кого я ни спрашивал, я никак не мог добиться удовлетворительного для меня ответа. Жжет, как огнем палит, — вот все, что я мог узнать, и это был единственный у всех ответ. Жжет, да и только* (4, 153—154). Арестантам из народа, переступившим через закон, все равно понятна религиозная установка по отношению к боли, принятая в христианстве: к боли нужно относиться как к испытанию, которое посылается для облегчения нашей участи. И они не ропщут, стойко перенося наказания. А образованный человек XIX столетия, будучи не в силах объяснить причины своего интереса, мучительно ищет ответы на вопросы, которые простолюдина внешне вообще мало волнуют.

Герой «Записок из подполья» и вовсе выстраивает специфическую философию «зубной боли», идеологически осмысливая ассоциацию боли и наслаждения:

В этих-то столах и выражается наслаждение страдающего; не ощущал бы он в них наслаждения — он бы и стонать не стал. Это хороший пример, господа, и я его разовью. В этих столах выражается, во-первых, вся для нашего сознания унижительная бесцельность вашей боли; вся законность природы, на которую вам, разумеется, наплевать, но от которой вы все-таки страдаете, а она-то нет. Выражается сознание, что врага у вас не находится, а что боль есть; сознание, что вы, со всевозможными Вагенгеймами, вполне в рабстве у ваших зубов; что захочет кто-то, и перестанут болеть ваши зубы, а не захочет, так и еще три месяца проболят; и что, наконец, если вы все еще не согласны и все-таки протестуете, то вам остается для собственного утешения только самого себя высечь или прибить побольнее кулаком вашу стену, а более решительно ничего (5, 106).

Своеобразное оппонирование этой философии интеллектуального мазохизма осуществляет герой романа «Бесы» Кириллов. В дискурсе этого героя Достоевского слово *боль* приобретает подлинно метафизические смыслы, включаясь в общий контекст с единицами семантического поля «страх» и лексемами полей «жизнь», «смерть», «Бог».

Главный экзистенциальный обман человечества, по мысли Кириллова, заключается в том, что *боль* осмысливается как непременный и неотъемлемый атрибут жизни наряду со *страхом*; *жить* — значит *испытывать боль и страх*. Преодоление боли и страха видится Кириллову задачей подлинно вселенской важности: *«Жизнь дается теперь за боль и страх, и тут весь обман, — заявляет он. — Теперь человек еще не тот человек. Будет новый человек, счастливый и гордый. Кому будет все равно, жить или не жить, тот будет новый человек. Кто победит боль и страх, тот сам Бог будет. А тот Бог не будет* (10, 93).

Экзистенциальная боль, по мысли Кириллова, заключается в ощущении *страха небытия*. А концепт *Бог* в речемысле Кириллова интерпретируется как *«боль страха смерти»*. Получается, что сама идея Бога — это порождение страха перед смертью, которая ассоциируется с болью. Для разьяснения своей мысли герой-идеолог использует метафору камня:

— *Стало быть, тот Бог есть же, по-вашему?*

— *Его нет, но он есть. В камне боли нет, но в страхе от камня есть боль. Бог есть боль страха смерти. Кто победит боль и страх, тот сам станет Бог. Тогда новая жизнь, тогда новый человек, все новое...* (10, 94).

В контексте теории человекобожества, в философских построениях Кириллова приходящей на смену идее Богочеловечества, обожение человека без участия Бога — это возведение самого человека в ранг Бога. Но на пути к реализации этой идеи стоят страх боли и боль страха небытия.

Это последовательно атеистическое развертывание идей боли и страха Божия. И сам Достоевский, конечно, не мог быть солидарным со своим героем. Но исходные посылки, лежащие в основе теории Кириллова, явно входят в круг тех проблем, которые мучительно волновали самого писателя и к которым он снова и снова возвращался в своих произведениях. Ср. с утверждением из знаменитого монолога князя Мышкина, за которым чувствуется трагический личный опыт Достоевского, пережившего ожидание собственной казни: *«А ведь главная, самая сильная боль, может, не в ранах, а вот что знаешь наверно, что через час, потом через десять минут, потом через полминуты, потом теперь, вот сейчас — душа из тела вылетит, и что человеком уж больше не будешь, и что это уж наверно; главное то, что наверно»* (8, 20). Выход на метафизический уровень осмысления феномена боли — это то, что соответствует особенностям самого творческого метода писателя, связанного со стремлением Достоевского *«заглянуть за черту»*, попытаться увидеть и представить больше, чем доступно нашему *«евклидову уму»*. И здесь вспоминаются слова еще одного героя Достоевского — Раскольникова, указавшего на прямую связь переживания боли и становления сознания человека: *«Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца»* (6, 203).

Заключение

Боль в качестве важнейшего экзистенциального феномена весьма сложна и специфична. И экспликация концепта боли как элемента языкового сознания сопряжена со значительными трудностями, поскольку боль интроспективна. К тому же это особое *состояние*, которое *переживается* и *проживается*. И у каждого из нас есть свое представление о боли, определяемое нашим личным опытом переживания боли и теми конвенциями окружающего нас общества, которые формируют *культуру боли* в этом обществе, социально приемлемые образцы реакции на боль и образцы поведения в ситуации боли.

Обратившись к исследованию сферы словарной фиксации, мы стремились дать общее представление о боли как феномене, имеющем социальное закрепление и языковую фиксацию. И в текстах Достоевского мы обнаруживаем употребление слова *боль* в тех же значениях, которые фиксируются в словаре В. И. Даля (за исключением областного «боль — больной человек»): 1) боль = болезнь (значение утрачено современным русским литературным языком); 2) боль — телесное страдание; 3) боль — душевное страдание. Однако примечательно, что уже в дефинициях толкового словаря определение значений сопровождается указанием на разновидности боли: через атрибутивы в определении боли физической и через синонимический ряд в определении боли душевной.

Художественные тексты обладают огромным арсеналом возможностей для образной передачи состояний боли. В рамках данной статьи мы обратились к анализу только некоторых из них — в первую очередь к анализу синтагматических и ассоциативно-парадигматических связей слова *боль* — ключевого слова словообразовательного гнезда. При этом лишь косвенно оказались затронутыми возможности передачи болевых ощущений через глагольную лексику (*болит, нарываает, ломит, жжжет* и т.д.). Это может стать продолжением исследования.

На данном этапе для нас было важно раскрыть многоуровневость содержания, стоящего за словом *боль* (и отчасти — за производными от него лексическими единицами). Идеологически насыщенные тексты Достоевского предоставляют для этого богатые возможности. Задумываясь над природой боли, герои-идеологи в текстах Достоевского выводят осмысление этого феномена на философский уровень. Порою такие философские высказывания тяготеют к афористичности (примером чему могут быть приведенные выше изречения Кириллова и Раскольниковова), но важен и сам факт употребления в подобных контекстах слова *боль* как имени концепта, содержание которого становится предметом обсуждения. Боль для Достоевского и его героев — это экзистенциально значимое понятие, осмысление содержания которого связано с осознанием себя и своего места в мире.

Библиографический список

1. *Ладов В.А.* Витгенштейн и Хакер о языке ощущений // Вестник Томского государственного университета (Философия. Социология. Политология). 2012. № 4 (20). С. 135—140.
2. Сайт Международной ассоциации по изучению боли. The International Association for the Study of Pain (IASP) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.iasp-pain.org/> (дата обращения: 08.11.2020).
3. *Бонч-Осмоловская А.А., Рахилина Е.В., Резникова Т.И.* Концептуализация боли в русском языке: типологическая перспектива [Электронный ресурс] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.) / под ред. Л.Л. Иомдина, Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 76—82. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/media/1833/12.pdf> (дата обращения: 08.11.2020).

4. Песоцкая И.В. Концепт «боль» как фрагмент научной языковой картины мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2016/09/fi11-22.pdf> (дата обращения: 08.11.2020).
5. Раренко М.Б. Классификация боли в языке (на примере английской лингвокультуры) // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2015. № 1 (26). С. 124—132.
6. Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Homo ridens // Слово Достоевского : сб. статей / под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1996. С. 160—186.
7. Большая медицинская энциклопедия [Электронный ресурс]. Под ред. Б.В. Петровского. Режим доступа: <https://бмэ.орг/index.php/БОЛЬ> (дата обращения: 08.11.2020).
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. СПб., 1880—1882.
9. Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А—Й.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
11. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А—В / Российская академия наук, Институт русского языка имени В.В. Виноградова; главный редактор Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2008. С. 255—261.
12. Михайловский Н.К. Жестокый талант // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931 годов. М., 1990.
13. Бондарев Ю.В. Обнаженная огромность страстей // Поиск истины. М.: Современник, 1976.
14. Шайкевич А.Я. Андрющенко В.М., Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Достоевского / РАН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2003.
15. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1972—1990.
16. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.

References

1. Ladov, V.A. (2012). Wittgenstein and Hacker about the Language of Sensations. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 4 (20), 135—140. (In Russ.).
2. The International Association for the Study of Pain (IASP). URL: <https://www.iasp-pain.org> (accessed: 08.11.2020).
3. Bonch-Osmolovskaya, A.A., Rakhilina, E.V. & Reznikova, T.I. (2007). Conceptualization of Pain in Russian: a Typological Perspective. In: *Computational linguistics and intelligent technologies: Proceedings of the international conference «Dialogue 2007»* (Bekasovo, May 30 — June 3, 2007), L.L. Iomdin, N.I. Laufer, A.S. Narin'yani, V.P. Selegei. (ed.). Moscow: Russian State University for the Humanities publ. pp. 76—82. [Electronic resource]. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/1833/12.pdf> (accessed: 08.11.2020). (In Russ.).
4. Pesotskaya, I.V. The Concept of “pain” as a Fragment of the Scientific Linguistic Picture of the World. [Electronic resource]. URL: <http://azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2016/09/fi11-22.pdf> (accessed: 08.11.2020). (In Russ.).
5. Rarenko, M.B. (2015). Classification of Pain in the Language (on the example of English language and culture). *Chelovek: obraz i sushchnost'*. *Gumanitarnye aspekty*, 1(26), 124—132. (In Russ.).
6. Karaulov, Yu.N. & Ginzburg, E.L. (1996). Homo ridens In: *Word of Dostoevsky*. Yu.N. Karaulov (ed.). Moscow. (In Russ.).
7. Big Medical Encyclopedia (1974—1989), B.V. Petrovskii (ed.) In 30 vols. Moscow. [Electronic resource]. URL: <https://бмэ.орг/index.php/БОЛЬ> (accessed: 08.11.2020). (In Russ.).
8. Dal, V.I. (1880—1882). Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols. Saint Petersburg. (In Russ.).
9. Dictionary of the Russian language: in 4 vols (1999). A.P. Evgen'eva (ed.). Vol. 1. Moscow: Poligrafresursy. (In Russ.).

10. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1992). Explanatory Dictionary of the Russian language. Moscow. (In Russ.).
11. Karaulov, Yu.N. (Ed.) (2008). Dictionary of the Dostoevsky language. Idioglossary. A—V. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.).
12. Mikhailovskii, N.K. (1990). Cruel Talent In *About Dostoevsky: Dostoevsky's Creativity in Russian Thought 1881—1931*. Moscow. (In Russ.)
13. Bondarev, Yu.V. (1976). The Naked Vastness of Passion In *Bondarev Yu.V. Search for the Truth*. Moscow: Sovremennik. pp. 92—97 (In Russ.).
14. Shaikovich, A.Ya., Andryushchenko, V.M. & Rebetskaya, N.A. (2003). Statistical Dictionary of the Language of Dostoyevsky. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.).
15. Dostoevskii, F.M. (1972—1990). The Complete Collection of Works in 30 volumes. Leningrad. (In Russ.).
16. Bakhtin, M.M. (1979). *Problems of Dostoevsky's Poetics*. Moscow. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Varzin Алексей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета; доцент кафедры общей и славянской филологии Института славянской культуры Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство); ORCID: 0000-0001-6395-2031; *сфера научных интересов*: семантика, лингвистический анализ текста; *e-mail*: alex.varzin@yandex.ru.

Information about the author:

Alexey V. Varzin, PhD of Philological Sciences, Associate professor, Associate professor of the Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University; Associate professor of the Department of General and Slavic Philology, The Institute of Slavic Culture, The Kosygin State University of Russia; ORCID: 0000-0001-6395-2031; *scientific interests*: semantics, linguistic analysis of text; *e-mail*: alex.varzin@yandex.ru.